

Ц. КИН

ПЕССИМИСТ, КОТОРЫЙ НЕ СДАЕТСЯ

Природа литературного успеха — увлекательная тема. Как много в ней слагаемых: личность художника, характер его дарования, внешние обстоятельства жизни, культурный уровень современников, мода, случайности. Не стоит повторять общие рассуждения, которые могут показаться банальными. Сейчас меня интересует один итальянский писатель и его судьба. Это Леонардо Шаша, его у нас переводили, и не раз. Шаша — один из самых значительных и серьезных итальянских прозаиков нашего времени, вызывающий большой интерес и уважение. И не только потому, что он талантлив — талантливых литераторов немало. И не только потому, что пишет в оригинальном и своеобразном жанре — и другие писатели в Италии добиваются интересных художественных результатов. А прежде всего потому, что Шаша глубоко верит в силу разума, в ту значительную роль, которую призвана играть литература в современном мире. Это особенно важно в период, когда столькие деятели культуры на Западе склонны к своего рода эстетическому нигилизму и к преуменьшению (если не прямому отрицанию) важнейшей роли искусства в борьбе за лучшее будущее человечества. Шаша отнюдь не прекрасодушен. Может быть, он зорче, чем многие дру-

гие, видит в окружающей реальности насилие и лицемерие. В его квартире — несколько портретов Вольтера, и кто-то из итальянских критиков точно сказал о Шаше: «Пессимист, который не сдаётся».

Леонардо Шаша родился в 1921 году в городе Ракальмудо (провинция Агридженто, Сицилия). Там — крупнейшие серные рудники и соляные копи. Более ста лет тому назад на руднике работал дед писателя, рано оставшийся сиротой. В то время невероятно жестокая эксплуатация детей, особенно сирот или незаконнорожденных, за которых некому заступиться, была одной из самых болезненных социальных проблем. Дед Шаши вытащил счастливый номер: выжил, стал мастером, а позднее — служащим. Таким образом, семья перешла в несколько более высокую социальную категорию, оставаясь неизменно связанной с рудником: там же служили отец и младший брат Леонардо Шаши. Все было буднично и монотонно, семья, можно сказать, полуинтеллигентная, со средним достатком, без уверенности в завтрашнем дне. Ничто не давало оснований предполагать в Леонардо Шаше будущего писателя. Никогда, казалось, не блиставший особыми талантами, он закончил педагогический институт и получил право преподавать в начальной школе. Много лет он то служил в каком-то ведомстве по закупке зерна, то учительствовал. Тема рудников всегда присутствовала в жизни и в сознании. Вторая тема — насилие (Агридженто — один из центров мафии).

Некоторые критики полагают, что процесс духовного созревания происходил у Леонардо Шаши довольно медленно. Когда-то, мальчиком, он испытал большое влияние своего учителя Джузеппе Граната, который через много лет станет сенатором-коммунистом. Другой человек, о котором Шаша постоянно вспоминает, — Пом-

пео Колайанни, впоследствии в Пьемонте — командир партизанского отряда по кличке Барбатто. Политикой Леонардо Шаша в юности не интересовался. Он сам говорил в одном интервью, что в 1943 году у него были «лишь некоторые проблески антифашистского самосознания». Сопоставляя различные высказывания Шаши, можно считать, что он был антифашистом, но на свой личный манер: фашизм он воспринимал как насилие, пошлость и интеллектуальное убожество. Моральное чувство было обостренным, вот пример: во время войны Шаше попался на глаза один из расистских пасквилей Луи Селина, он прочел и с тех пор не желал брать в руки книги Селина.

Шаша жил в Сицилии, которая в силу исторических условий не знала форм Сопротивления, существовавших в Северной Италии¹. Но если он не был активным борцом против режима Муссолини, то духовный его антифашизм несомненен: об этом свидетельствуют и факты его биографии, и само творчество. Может быть, правильно предположить, что процесс духовного созревания Шаши шел непрерывно и даже интенсивно, но все это было глубоко запрятано: накапливались наблюдения, возникали мысли, кристаллизовались взгляды, углублялось знание истории.

Леонардо Шаша — труженик. По всему складу ума и характера он презирает «приблизительность» и мог бы сказать о себе словами замечательного русского поэта: «Во всем мне хочется дойти до самой сути». Шаша досконально знает не только историю Сицилии, испытывавшей на протяжении веков много превратностей судьбы, но только историю культуры своего острова, но и статистику, экономику, его социальную структуру, так же как и структуру органов власти и внутрисемейных отношений, верования, обычаи, легенды, предрассудки. Он знает все хорошее, но и все плохое о прошлом и настоящем своей родины. В этом смысле мы можем сказать, что Шаша работает в рамках большой культурной сицилианской традиции, включающей в себя такие знаменитые имена, как Джованни Верга и Луиджи Пиранделло (оба они сицилианцы). Однако эта тема — за рамками статьи, так же как и юношеские литературные опыты Шаши — материалы для монографии.

Первая серьезная литературная работа Шаши датирована 1956 годом. В середине 50-х годов в Италии возник интерес к социальной тематике, к документу, к репортажу хорошего, серьезного уровня. Тогда вышло несколько значительных произведений такого типа, и целая плеяда писателей то в автобиографическом, то в более объективном ключе фиксировала события и изменения, происходившие в обществе. Книги о рабочем классе, о крестьянах, бат-

раках, ремесленниках, люмпен-пролетариях привлекали большое внимание. Именно тогда Оттберо Оттьери написал «Сжатое время», названное романом, но фактически — нечто среднее между художественным произведением и социологическим исследованием жизни заводских рабочих. Одновременно вышла книга покойного Лючано Бьянчарди, написанная вместе с Карло Кассолой, — «Шахтеры мареммы». Большой популярностью пользовался переведенный у нас роман Васко Пратолини «Метелло».

На этом фоне надо рассматривать книгу Шаши «Церковные приходы Регальпетры» (подразумевается его родина Ракальмута). В основу книги легли напечатанные в январе 1955-го в журнале «Нуови аргументи» и написанные от первого лица «Школьные истории» Шаши. Это была не просто хроника, не просто раздумья о взаимоотношениях учителя с детьми. Шаша меньше всего склонен к сентиментальности: его ученики — дети из рабочих семей, связанных с серным рудником и соляными копиями. Нужда, предрассудки, жестокость, бесперспективность — обо всем было написано правдиво и резко.

После публикации в журнале издатель Вито Латерца предложил Шаше написать целую книгу о Ракальмута — Регальпетре. Так она и возникла. Отталкиваясь от своей школьной хроники, Шаша писал и о рабочих, и о чиновниках, и о местных буржуа, и о церковных приходах. Бросалась в глаза диалектичность книги: факты, цифры, ситуации, персонажи — все было абсолютно достоверным, и, вместе взятые, отдельные сюжеты Шаши создавали целостное представление о микрокосмосе маленького сицилианского городка «без мифов». Вот описание похорон рабочего соляных копей, погибшего при обвале. Присутствуют представители местных властей, привезли венки, произносят речи. Один господин говорит автору: тридцать лет тому назад такая смерть не произвела бы никакого впечатления, все равно как если бы содхла собака. «Да, что-то изменилось к лучшему для рабочих соляных копей. Во всяком случае, положение мертвых рабочих лучше. О живых я бы этого не сказал». Вот так лаконично, как будто бесстрастно. Беспощадно.

Тогда многие считали, что Шаша останется «автором одной книги»: удачно выступил как социолог и бытописатель, а теперь вернется к своим обычным занятиям. Некоторые критики похвалили книгу, но сдержанно. Покойный Пазолини обладал тонким вкусом и чутьем, но даже он не предугадал будущего, ожидавшего Шашу. Во всяком случае, событием «Церковные приходы» отнюдь не стали: еще одна честно написанная книга об условиях жизни на Юге Италии, еще один документ — не более того.

Ц. КИИ
ПЕССИМИСТ, КОТОРЫЙ НЕ СДАЕТСЯ

¹ Сицилия относилась к той части Италии, которая после подписания пакта о безоговорочной капитуляции не была оккупирована немцами. (Здесь и далее прим. автора.)

Леонардо Шаше в это время уже тридцать пять лет. Он как будто следует теоретическим требованиям веризма¹, но нарушает требование «научности и бесстрастности». Он не просто фотографирует реальность, он высказывает свое отношение к ней, сцена с похоронами рабочего — один из примеров негодования и иронии, выраженных внешне очень сдержанно.

Первая книга Шаши стоит несколько особняком, но написана она уверенно. Может быть, сейчас, в контексте всего сделанного позднее, легче найти в «Церковных приходах» элементы того, что станет затем характерным для поэтики Шаши.

Через два года — новая книга: «Сицилианские дядюшки». Это буквальное перевод названия, но слово «дядюшки» в данном случае многозначно. Вторая книга связана с первой, но появилось новое качество: большее богатство красок, большее внимание к детали, более глубокий «фон». Среди дядюшек один — фашист, другой — несколько пассивный антифашист. Уже история о том, как в платяном шкафу годами хранился тщательного запрятанный портрет депутата-социалиста Маттеотти, убитого фашистами в 1924 году, могла бы стать самостоятельным сюжетом. Но для Шаши — это лишь повод, чтобы показать атмосферу времени и то, какое влияние это убийство оказало даже на обывателей, далеких от политики. Вообще же политики — и не только итальянской — во второй книге много, и это указывает на будущее развитие творчества Шаши.

Итак, Леонардо Шаша вступил в литературу сложившимся человеком. У него аналитический ум, он сформировался «сам по себе», его вкусы оригинальны и несколько противоречивы. Так, он любит Витторини² и утверждает, что без Витторини сам никогда не стал бы писателем, а ведь гуманизм Витторини носил несколько абстрактный характер. Наряду с Витторини Шаша любит французских просветителей и Стендаля, Пиранделло, о котором он писал очень тонко, и мастеров реалистической «сицилианской школы» и, в довершение ко всему этому, любит и ценит детективную литературу как жанр, как форму отражения жизни. У самого Шаши, бесспорно, есть пристрастие к некоторым темам и сюжетам. Его неизменно привлекают судьбы, в которых есть нечто загадочное, привлекают характеры, которые нелегко разгадать.

Не считая переизданий и литературоведческих работ, за последние пятнадцать лет Шаша выпустил десять книг, и мы вправе говорить о некоторых закономерностях в его творчестве. Искусство Шаши пошло по линии, поразившей итальянских критиков.

¹ Веризм — течение, возникшее в Италии в 70-х годах XIX века, от слова *vero* — правдивый.

² Элио Витторини (1908—1966) — итальянский писатель, активный участник антифашистского Сопротивления, оказавший большое влияние на развитие демократической культуры в Италии.

Вначале это казалось почти невозможным, но постепенно, говоря о Шаше, итальянцы привыкли к таким словосочетаниям, как *giallo politico* или *giallo filosofico*. Конечно, объединение понятий «политика», «философия» с «криминальной литературой» может показаться странным, но для Шаши оно не противоестественно: он пишет очень серьезные, очень ответственные вещи, но гротескно облекает их когда хочет в форму детектива. Ему нравятся неожиданные, парадоксальные ситуации, драмы, тайны, ребусы. Но в то же время в книгах Шаши, как и в его выступлениях по общественно-политическим вопросам, — ясность мысли и отчетливая этическая точка зрения. Мы неизменно видим позицию человека, для которого этика — не отвлеченная категория, а нечто проистекающее из того личного выбора, который люди делают на всю жизнь.

Мы начали с природы литературного успеха. Давно уже почти каждая новая работа Шаши, будь то проза, эссеистика или драматургия, вызывает в Италии одновременно и живейший интерес, и жестокие споры. Но порой задумываешься: почему так происходит? Что в случае Шаши является решающим? Утвердившаяся репутация писателя, причудливого своего читателя к парадоксам, неожиданным поворотам сюжета, к суховатому, лаконичному, лишь на первый взгляд простому, письму? Его чувство стиля? Его интуиция, позволяющая ему, прекрасно знающему особенности общества, в котором живет, предвидеть то или иное развитие событий? Или сама личность Шаши, присущий ему подлинный, а не показной демократизм, уединенная жизнь вдали от «ярмарки тщеславия»? Его искренность, нравственная сила, внутренняя цельность, хотя Шаша никогда не скрывает своих сомнений, противоречий, пессимизма, горечи?

Не могу ответить на вопрос «почему». Но думаю о том, как хорошо, когда художник при жизни, от современников, независимо от того, хвалят они его или спорят с ним, получает признание и понимает нужность своей работы. И может быть, не так уж важно, что именно о Леонардо Шаше будет написано когда-нибудь в энциклопедиях. А впрочем, пишут уже и теперь — много и по-разному. Было бы странным ожидать однотонных суждений. Шаша в своем сарказме не признает никаких табу и, в частности, с большой силой гражданского негодования нападает на христианских демократов, которых считает непосредственными виновниками кризиса, переживаемого Италией, и на органы правосудия, и на мафию, и на «ультралевую» интеллигенцию. Этическая позиция приводит Шашу к созданию книг, в которых он (пусть иногда и в сложно зашифрованной форме) затрагивает чисто политические темы, а это, конечно, многих задевает. Задевает одних, а у других вызывает чувство солидарности и восхищения, потому что работа Шаши отвечает неоспоримой общественной потребности.

Первый роман этого типа, переведенный у нас дважды и названный по-разному: «День совы» и «Сова прилетает днем»¹, — вышел в Италии в 1961 году и принес Шаше громкую известность. Это роман о мафии, написанный с глубоким знанием проблемы во всех ее аспектах. Творческий акт у Шашы всегда связан с большой предварительной работой, здесь нет момента импровизации, которую слишком часто называют вдохновением, — здесь именно знания, уверенность в материалах, в первоисточниках, свидетельствах. И только на этой основе строятся сюжеты, хотя некоторые гротескные романы Шашы и могут показаться литературной экзотикой. В одном из недавних интервью писатель сказал: «Для меня документы — это литература в еще необработанном состоянии. Я в них очень верю, так же как очень верю в литературу». Шаше подражать трудно, потому что писатель знает некий секрет мастерства, и у подражателей просто ничего не получится: не так-то просто, отталкиваясь от традиционных форм повествования, объединяя художественную прозу с эссеистикой, писать лаконично, иронически, страстно, напряженно. Слав этот сложен. Шаша извлекает из исторических архивов или берет из уголовной хроники какой-нибудь факт, зафиксированный, но оставшийся неразгаданным или же допускающий различные истолкования. Иногда речь идет о группе фактов. Шаша начинает розыски, проделывает ювелирно-тщательную работу, раздобывает материалы, которые косвенно могут пролить свет на происшествие, воссоздает атмосферу времени. А потом предлагает свою версию. Не обязательно думать, что эта версия непременно верна: гипотеза Шашы — лишь одна из возможных. Даже если ему самому она представляется вполне убедительной, писатель не претендует на то, что ему известна «истина в последней инстанции».

Однако бывают случаи, когда Шаша безоговорочно уверен в своей правоте. В 1964 году он написал «Смерть инквизитора». Это книжка объемом меньше ста страниц, но трудно даже вообразить, какую колоссальную предварительную работу должен был проделать автор. Книга написана со страстной убежденностью, так как Шаша хотел восстановить историческую правду и справедливость по отношению к одному, подлинно существовавшему персонажу. Можно ли говорить о фабule, когда речь идет не о вымышленных героях литературного произведения, а о реально существовавших людях? Мне кажется, можно, особенно если характеры, поступки и судьбы этих людей не вполне обычны. А именно такое потрясает нас в «Смерти инквизитора».

В основу положен исторический факт. В XVII веке был сожжен на костре дьякон Диего Ла Матина, который, будучи заключенным в тюрьме инквизиции, при помощи своих железных наручников убил инкви-

зителя. Шаша изучил все архивные материалы. Он скрупулезно сопоставляет различные исторические источники и опровергает официальную версию, согласно которой Диего Ла Матина — разбойник, убийца и еретик, а инквизитор чуть ли не святой. Шаша цитирует интересные документы, мастерски воссоздает атмосферу Сицилии XVII века, описывает ритуал сожжения на костре. Основная идея книги — показать негнбимого человека, человека огромной духовной силы, которого ничто и никто не сможет заставить отказаться от его «ереси»: Ла Матина допускал возможность, что бог может быть иногда несправедливым.

В 1967 году, при переиздании нескольких его вещей, Шаша писал, что ему самому «Смерть инквизитора» дороже всего: это «единственная моя книга, которую я перечитываю и из-за которой продолжаю волноваться». И добавил, что это, в сущности, книга незавершенная и она не будет закончена никогда, ибо Шаша все время надеется натолкнуться еще на один документ, совсем новый, или вдруг распознать новый намек, возможность нового истолкования документов, которые знает наизусть. «Может быть», — писал Шаша и, кажется, не шутя, — это случится между бодрствованием и сном, как бывает у Мегрэ в книгах Сименона, когда Мегрэ увлечен каким-нибудь расследованием».

Мир Шашы, реальность, обуславливающая все его творчество, — Сицилия. Но понимать это слишком узко нельзя, так как Шаша размышляет над природой добра и зла, над вечными общечеловеческими проблемами жизни и смерти, науки, искусства. Он говорит, что ему трудно объяснять замысел каждой отдельно взятой своей книги. Есть идея, есть тема, но потом одна мысль цепляется за другую, уходит в сторону, и в конце концов возникает «другая книга», а автор неизбежно отстраняется и начинает иронизировать над собой. В то же время на вопрос о том, как ему удается продвигаться вперед («по двойным рельсам» прозы и эссеистики, писатель ответил честно и точно: «Вещи, которые я пишу, всегда проистекают из определенной идеи и разворачиваются в соответствии с планом. Я хочу доказать нечто, прибегая к изображению подлинного или выдуманного факта».

Есть ли противоречие между определенным «другая книга» и открытым: «Я хочу доказать нечто...»? Формально рассуждая, противоречие есть, а по существу — нет. Напротив, в слове «доказать» я вижу подтверждение мысли о природе творческого акта этого писателя, который не опасается, что его упрекнут в рассудочности или в чем-либо подобном. Шаша каждой своей книгой занимает определенную позицию. Наивно было бы, разумеется, думать, что любая позиция Шашы вер-

¹ Опубликовано в «ИЛ» № 4, 1962.

на. Она может быть спорной или ошибочной, но важна убежденность писателя, его глубокая вера в литературу и в силу разума. Шаша считает, что любая книга, даже неудачная, является «каким-то вкладом в мир». Но не нужно забывать, что Шаша отнюдь не безразличен к идейному содержанию книги (вспомним его отношение к Селину).

В 1971 году вышел «Контекст», и сам автор обозначил его как роман-пародию. Фрагменты романа, сюжет которого построен на загадочных убийствах видных чиновников судебного ведомства, были опубликованы в январе—феврале 1971 года в одном из итальянских журналов. Оказалось, что писатель, полностью погруженный в окружающую его реальность, ощутил то, что «носилось в воздухе». Он словно бы предугадал надвигавшиеся события. В мае 1971 года в Палермо был убит генеральный прокурор города.

Фабула романа — расследование серии необычайных и зловещих преступлений — не более чем канва, на которой писатель вышивает сложные узоры. Шаша издевается над стереотипным мышлением полицейских, которым не приходит в голову ничего, кроме гипотезы, что во всех убийствах виноваты «ультралевые». Но следствие ведет человек совершенно иного уровня и склада, чем все его шефы, — полицейский инспектор Рогас. Выполняя приказы сверху, он проникает и в среду «ультралевых» интеллектуалов. Сарказм Шаши при описании этих персонажей пределен: он развенчивает их мнимую революционность убедительно и зло.

Но в настоящем, серьезном следствии, которое Рогас ведет очень целенаправленно, он наталкивается на страшные вещи, разоблачающие всю систему власти в Италии. Хотя действие происходит в неназванной стране и даже имена персонажей нарочито условны, ясно, что это — Сицилия, а правящая партия — ХДП. В романе несколько центральных сцен. Одна из них — встреча Рогаса с министром, который с невероятным цинизмом говорит о положении дел и о том, что было бы неплохо привлечь к участию в правительстве главную оппозиционную — левую — партию, так как она пока не успела себя ничем скомпрометировать. Эта партия разделила бы с правящей ответственность за проводимую антинародную политику. Но, говорит министр, лидер оппозиционной партии Амар слишком умен, чтобы на это согласиться.

Сюжет разворачивается неожиданно. Шаша создает острейшие ситуации и держит читателей в большом напряжении. Рогас встречается с президентом Верховного суда, чтобы предупредить его о том, что, по всем признакам, именно он, президент, должен стать очередной жертвой террористов. Происходит длинный метафизический разговор в духе философских повестей XVIII века. Разговор о природе власти и об общественной морали. Президент суда, верующий католик, выполняющий все обя-

ды, на самом деле не верит в «христианские ценности» и откровенно высказывает это. Понятие вины для него относительно, факты неважны, признание обвиняемого тоже неважно: все и всегда неизбежно в чем-то виновны. Это важнейший разговор. В словах президента суда — смесь глубокого скептицизма, неверия, признания принципа относительности моральных истин. Конечно, отсюда протягиваются нити к персонажам и проблематике Паскаля, Вольтера, Достоевского, а позднее — экзистенциалистов. Этическая проблематика неизменно волнует и Шашу, он обращается к ней не только в этом романе.

Рогас приходит к твердому решению — встретиться лично с господином Амаром. Это не так просто, и Рогас прибегает к помощи своего друга, прогрессивного писателя. Писатель Кузан (в котором мы без труда угадываем самого автора) понимает рискованность всей затеи и просит Рогаса передоверить ему, Кузану, необходимый разговор. Но Рогас настойчив; он хочет лично поговорить с Амаром. Какова конечная цель этих необычайных переговоров — остается неясным. Амар — убежденный враг прогнившей системы, Рогас в процессе следствия увидал ее страшную суть, но имеем ли мы право думать, что и Рогас становится врагом этой системы? Шаша не любит договаривать до конца, текст романа ироничен, порой даже зашифрован.

Верный своей поэтике, Шаша не рассказывает, как и что произошло. Он просто ставит читателей перед совершившимся фактом. По радио переданы два сообщения. Первое: убит президент Верховного суда. Второе: в здании художественной галереи обнаружены два трупа. Убитые — Амар и Рогас. Согласно официальной версии, Рогас, превысив свои полномочия, заманил главу оппозиции в ловушку и убил его, а потом подоспевший полицейский агент застрелил и самого Рогаса. Версия сфабрикована грубо, она может обмануть легковерных и не умеющих политически мыслить людей, но не таких, как писатель Кузан, — его не обманешь.

Развивается тема Кузана, и эта часть романа сделана, пожалуй, сильнее других. Кузан отлично понимает смысл сложной провокации, направленной на то, чтобы скомпрометировать Рогаса, добравшегося до сути махинаций власти имущих. Он и себя считает возможной очередной жертвой, поскольку известно, что он устроил свидание Рогаса с Амаром. И Кузан решает составить предсмертный документ, в котором будет раскрыто все. Иными словами, составить настоящий обвинительный акт против существующей системы, против круговой поруки, коррупции, заговора молчания. Но Кузан, медленно перебирая круг возможных адресатов, не может найти никого, кому имело бы смысл послать этот документ. В конце контов он плячет его в том Сервантеса — «Дон Кихот». Трудно выбрать более ясный символ.

Однако Кузана не убивают. Более того, он встречается с заместителем покойного

Амара. И тут выясняется, что этот человек поверил официальной версии убийства. Как это возможно? Кузан подавлен, изумлен, возмущен. Тогда в ответ на прямой вопрос следует ответ, смысл которого в том, что эта версия удобна, ибо в данном случае, «как во времена Ришелье», интересы власть имущих и оппозиции совпадают.

Во время работы над романом Шаша писал в письме, адресованном редактору одного левого журнала: «В настоящий момент моей жизни я — человек, потерпевший поражение и страдающий катастрофы, катастрофы прежде всего духовной». Это был период, когда писатель переживал глубокий кризис и терял веру в добро как таковое, не видя силы, способной противостоять всей окружающей мерзости. Таким образом, становятся более понятен смысл разговора насчет того, что «как во времена Ришелье»... Некоторые итальянские критики расшифровывали это таким образом: система настолько сильна, что может интегрировать даже самых решительных своих противников. А раз так, стираются все грани между злом и добром, исчезают светотени, понятия лжи и правды теряют отчетливые границы, ничего не остается, кроме книги «Дон Кихот». Шаша — Кузан в тот момент, очевидно, считал, что честные деятели культуры в Италии обречены на трагическое одиночество. В письме, которое выше цитировалось, Шаша заявлял, что он не хочет «держат камень за пазухой» и что сам он больше ни во что не верит.

Когда вышел роман Шаша, друзья писателя, представители самой мощной оппозиционной партии страны, горько упрекали его за беспредельный пессимизм, но упрекали и себя за то, что не разглядели его душевного состояния, не спорили, не были рядом с ним в трудное время. Знаменитый художник Ренато Гуттузо написал: «Шаша не революционер по натуре, но я знаю: когда надо будет выбирать, он всегда сделает революционный выбор, даже если какие-либо его поступки могут создать иное впечатление». Гуттузо не ошибся, об этом — дальше.

В 1974 году вышел новый роман Шаша — «*Todo modo*» («Любой ценой» — *лат.*). Это слова из знаменитых «Духовных упражнений» Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов. Если пользоваться определениями жанра, о которых уже сказано, — «Контекст» был политическим *giallo*, а «*Todo modo*» — *giallo* философским. Однако это условно: политика и философия присутствуют в обоих романах. Можно только заметить, что в «*Todo modo*» делается больший акцент на философских и теологических проблемах, прямо затрагивается вопрос о роли церкви в современном мире.

Действие происходит в течение всего нескольких дней на территории странного заведения: некий гибрид монашеского скита и шикарной гостиницы. В этот дом ежегодно в один и тот же срок приезжают для «духовных упражнений» знатные го-

сти: епископы, сенаторы, министры, крупные промышленники и финансисты. Под предлогом благочестивых размышлений в этом уединенном месте собравшиеся заключают тайные сделки, договариваются о разделе «сфер влияния», продельвают циничнейшие «деловые операции» и сводят между собой счеты. Здесь также произойдут загадочные убийства.

Главные персонажи романа — священник дон Газтано, человек исключительного ума, обаяния и силы характера, и художник, от лица которого ведется рассказ. Это художник очень известный, пожалуй, даже знаменитый, и в его уста Шаша вкладывает некоторые важные свои мысли. Вообще поэтике Шаша свойственна одна черта: он не любит прямой авторской речи и всегда предпочитает диалог. Писатель как бы поручает избранным им персонажам обсуждать вопросы, которые волнуют его самого. Если в «Контексте» проблемы вины и невиновности, сущности и границ правосудия, моральной ответственности власти обсуждались в беседе Рогаса с президентом Верховного суда, то в «*Todo modo*» те же проблемы стали одной из центральных тем споров между художником и доном Газтано.

Шаша дает нам основания предполагать, что дон Газтано знает решительно все о своих «гостях» и не может не знать, кто из них и по каким причинам убил бывшего сенатора Микелоцци, который отказался от своего высокого звания во имя «высших интересов общества» и возглавил концерн Фурас. Микелоцци был застрелен во время ритуального «духовного упражнения», называемого «молитва с четками», когда все участники этой молитвы, выстроившись в квадрат с доном Газтано в центре, шли по поляне, скандируя текст молитвы. Разумеется, все говорят о покойном как о добродетельнейшем и бескорыстном человеке, но Шаша ироничен, и у читателей нет сомнений в том, что Микелоцци принадлежал ко всей отвратительной компании телом и душой. Однако дон Газтано решительно отказывается помочь идиоту-следователю Скаламбри, вызванному на место происшествия. Художник пытается понять смысл отказа дона Газтано.

Происходит один из важнейших разговоров. Когда художник говорит о «справедливости», «вине», «искуплении вины», священник решительно возражает. Шаша не упоминает о «великом инквизиторе» и вообще не называет имени Достоевского, но все, что проповедует дон Газтано, — явный метафизический спор с Иваном Карамазовым. Самая распространенная ошибка в христианском мире, заявляет дон Газтано, заключается в мысли, будто бы Христос хотел пресечь зло. «Говорят: «Бога не существует, следовательно, все дозволено». Никто не попытается совершить маленькую, простую, банальную операцию, видо-

Ц. КИ Н
ПЕССИМИСТ, КОТОРЫЙ НЕ СДАЕТСЯ

изменить эти великие слова: Бог существует, следовательно, все дозволено. Никто не попытался, повторяю, кроме самого Христа. И вот что такое христианство в глубокой своей сущности: все дозволено. Преступление, боль, смерть — вы думаете, они были бы возможны, если бы не было Бога?»

И художник, и дон Газтано — интеллектуалы, люди мыслящие, чрезвычайно эрудированные. Очень во многом их вкусы сходятся, и они испытывают друг к другу интерес и симпатию. Объединяет их презрение к тем, кто приезжает для «духовных упражнений», но есть между ними и глубокие внутренние различия. Художник — гуманист по своей сути. Дон Газтано — нечто совсем иное. Шаша несколько раз подчеркивает одну подробность: у дона Газтано очки особой формы, и, когда он надевает их, он становится поразительно похожим на странного дьявола в очках, изображенного на одной старинной итальянской гравюре. А в книгах Шаши все детали продуманы.

Тем временем свершается еще одно убийство, убит адвокат Вольтрано, которого, вероятно, убрали, испугавшись, что он что-то скажет следствию, — он уже позволил себе один неуверенный намек. Все охвачено паникой. Происходит еще один разговор между художником и доном Газтано. На этот раз священник, ссылаясь на Евангелие от Луки и на «Мысли» Паскаля, говорит, что для себя лично он ждет «крестного часа», а понятие это означает только одно: боль, смерть. И вскоре труп дона Газтано находят в лесу, подле старой мельницы. Рядом с телом лежит пистолет. Самоубийство исключено: религия не позволила бы этого. Кто же убил? Незадолго до происшедшего священник бросил открытый вызов своим гостям, поставив в нелепое и унижительное положение и министра, и следователя, и всех прочих. Так все-таки кто убил дона Газтано? Шаша не договаривает до конца, предоставляя читателям самим придумывать разгадку.

Советский литературовед С. А. Ошеров, с которым мне случилось спорить об этом романе, совершенно уверен в том, что дон Газтано застрелил художник, и приводит тонкие доводы в защиту своей гипотезы. Гипотеза меня не убедила, и ни в одном из высказываний итальянской критики я не нашла ничего, что подтверждало бы правильность такого истолкования текста, да и сам Шаша об этом никогда ничего не говорил. Тем не менее гипотеза интересна, и некоторые фразы романа могут заставить задуматься. Мы надеемся, что и наши читатели скоро прочтут роман и смогут включиться в разгадку тайны.

Есть некая взаимосвязь между романами «Контекст» и «Todo modo». Писатель последовательно и целеустремленно, с присутствующим ему темпераментом толкает читателей на серьезные размышления о нынешнем положении дел в Италии. В обоих случаях сила сатиры и яростного презрения к «системе» неизменны, но с точки зрения

формальной «*Todo modo*» мне кажется написанным ярче, нежели «Контекст». Каждое слово весомо и точно. Может быть, Шаша уже начал в то время преодолевать духовный кризис, он сам говорил, что очень устал от полемики в связи с «Контекстом», и тем не менее «*Todo modo*» свидетельствует, что писатель был на пути к важным решениям.

Ренато Гуттузо оказался прав, говоря, что Шаша, когда понадобится, всегда делает революционный выбор. Он сделал его летом 1975 года, согласившись баллотироваться как независимый по спискам Итальянской коммунистической партии на муниципальные выборах и возглавив группу интеллигентов-сидилианцев, последовавших его примеру. И, конечно, Шаша был избран с максимальным числом голосовавших за него: кто в Палермо мог бы конкурировать с человеком, у которого не только литературная слава, но и неоспоримый моральный престиж? Его уважают и знают. Говоря это, я имею в виду не только интеллигенцию, а всех, кто (примем это как символ) работает на серных рудниках, в соляных копях и на судостроительных верфях. Сам Шаша не раз говорил, что чувствует свою неразрывную связь с этими людьми и что баллотировался он по спискам ИКП прежде всего потому, что ИКП верят эти люди.

В том же самом 1975 году, когда Шаша, отказавшись от дорогого ему одиночества, занялся активной политикой, вышла новая его книга: «Исчезновение Этторе Майораны». В ней всего 77 страниц, текст предельно сжат, спрессован, приводится много документов, сопровождаемых сухими — прием! — комментариями. Писатель явно стремился к максимальной «протокольности» изложения. Но все-таки возникает ощущение, что в этой вещи Шаша — впервые, — увлекшись гипотезой, стал вольно или невольно интерпретировать факты, так чтобы они работали на его гипотезу, даже если для этого надо было (пусть нас не обманывает «протокольность» изложения) слегка сгущать краски или, напротив, на что-то закрывать глаза.

Этторе Майорана, тридцатидвухлетний профессор Неаполитанского института физики, 25 марта 1938 года поднялся на борт парохода, курсирующего по маршруту Неаполь — Палермо. До этого он отправил письмо директору института, в котором были слова: «Я принял решение, ставшее отныне неизбежным. В нем нет ни капли эгоизма, но я отдаю себе отчет в неприятностях, которые мое неожиданное исчезновение может доставить тебе и студентам... Я сохранию обо всех вас теплую память по крайней мере до одиннадцати часов сегодняшнего вечера и — быть может — позже этого срока». В гостинице, где он жил, Майорана оставил записку родным, распорядившись отправить ее позднее. «У меня только одно желание — чтобы вы не оделись в черное. Если хотите соблазнить обычай, носите какой-нибудь знак траура, но не дольше чем три дня. После этого, если

сможете, храните память обо мне в своих сердцах и простите меня».

Многие были потрясены исчезновением Майораны. Знаменитый физик Энрико Ферми, глава так называемой римской школы, получивший впоследствии Нобелевскую премию, сказал: «В мире существуют ученые разных категорий. Люди второго и третьего плана, которые делают все, как только могут лучше, но не уходят в науку слишком далеко. Люди первого плана, которым удается делать чрезвычайно важные открытия, фундаментально важные для дальнейшего развития научной мысли. Но, кроме того, есть гении, как Галилей и Ньютон. Так вот, Этторе Майорана был одним из таких. Майорана обладал тем, чем не обладает никто другой на свете. К несчастью, он был лишен того, что мы обычно находим в остальных людях: простого здравого смысла».

По личному распоряжению Муссолини секретная полиция произвела особо тщательные розыски, но они ни к чему не привели. Не привожу сейчас еще некоторые довольно важные факты, скажу лишь, что дело об исчезновении Этторе Майораны было сдано в архив. На протяжении тридцати семи лет его имя не раз упоминалось в трудах, посвященных Энрико Ферми, римской школе, истории атомной физики. Но никто не брал под сомнение факт самоубийства. Это сделал Шаша. Он пришел к теме Майораны в начале 70-х годов более или менее случайно. Но она его очень заинтересовала. У него возникло ощущение некоей недоверности, почти двусмысленности общепринятой версии самоубийства. Разумеется, он прочел все, что только было возможно. Однако в данном случае речь шла не об архивных изысканиях, но о чисто спекулятивной работе мысли. Шаша прочел то, что читали и другие, прочел по-своему. Так, он без конца вдумывался в два «предсмертных» письма Этторе, старался расшифровать сочетание слов. Его поразил уверенный, твердый почерк, не выдававший никакого душевного смятения, предчувствия близкого конца. Поразило его и слово «исчезновение» вместо слов «смерть» или «конец».

Писатель добросовестно исследовал все, прямо или косвенно связанное с жизнью Этторе Майораны. Речь идет об ученом-атомщике. Шаша меряет Майорану очень высокой меркой: наука, конечно, но и этика. Что характерно для Этторе? Замкнутость, легкая ранимость, маскируемая напускной небрежностью, пределный индивидуализм, то, что теперь называют некоммуникабельностью. Обостренное нравственное чувство. Глубокая внутренняя требовательность к себе. Ирония. Время от времени возникающий интерес к метафизике. Чувство ответственности в чем-то самом главном и оттапливание от повседневных дел. Нервность. Одиночество. Гениальные формулы, записанные на папиросной коробке, небрежно выброшенной. О Майоране много пишет жена Энрико Ферми, Лаура. Например: «Майорана додумался до гейзенберговской

теории атомного ядра, построенного из нейтронов, задолго до того, как ее опубликовал Гейзенберг. Но он даже не записал ее»¹. Шаша пристально проследивает путь Этторе, знает, что с каждым годом, что бы тот ни делал, в любом своем открытии, в любой догадке Майорана ощущает «приближение к смерти». Он чувствует, что, когда природа откроет ему ту тайну, которую ему суждено открыть, «наступит смерть». И в нем живет инстинктивное, бессознательное стремление уйти, убежать, спастись от чего-то не просто страшного, а рокового.

Мы знаем, что Шаша подвергает сомнению официально признанный факт самоубийства. Попробуем сформулировать суть его сомнений. Гениальный физик, страхась сделать несущее гибель открытие и интуитивно чувствуя, что час этого открытия неминуемо приближается, в возрасте тридцати двух лет принимает решение уйти... Уйти из жизни или уйти от жизни? Уйти из жизни может означать лишь одно: умереть. Уйти от жизни — нечто иное: не умереть, но исчезнуть, совсем, бесповоротно, навсегда. Официальная версия не допускает сомнений: правда, труп Майораны не нашли, но Майорана ушел из жизни, может быть, его тело лежит где-то на дне Неаполитанского залива. Гипотеза Шаша, основанная не на фактах, а на игре мысли и интуиции художника, сводится к противоположному выводу: Майорана ушел от жизни. Он мог, например, укрыться в каком-нибудь монастыре — для этого не обязательно быть верующим.

Если после выхода в свет «Контекста» главными участниками вспыхнувшей дискуссии были политики, то на «Исчезновение Майораны» с исключительным темпераментом откликнулись физики. Среди них — очень крупный ученый Эдоардо Амальди, который был близок и с главой римской физической школы Ферми, и с Майораной. Амальди и некоторые другие упрекают Шашу за то, что он создает своей книгой миф о Майоране, утверждают, что он пристрастно и односторонне прочел документы. Амальди пишет: «Этторе Майорана, которого все мы знали, уважали и любили, был совсем не таким, каким его рисует Шаша. Он не был гуманистом, и страх, который он испытывал, отнюдь не был связан с глухим предчувствием атомной смерти, а вызывался болезненным состоянием». Амальди обвиняет Шашу в несправедливости, опровергает его версию, отмечает и суждения Лауры Ферми, которая «недостаточно хорошо в этих вещах разбиралась». Резкость споров была неизбежной, так как произведение Шаша дает основания для сомнений и несогласия.

¹ Лаура Ферми. Атомы у нас дома. Новосибирск, изд. Сибирского отделения АН СССР, 1963, стр. 74.

Ц. КИН
ПЕССИМИСТ, КОТОРЫЙ НЕ СДАЕТСЯ

Я уже писала, что Шаша здесь идет за своей гипотезой и «делает допуск». Но стоит задуматься над соотношением между жизненными фактами и фактами, преобразованными литературой. Известный ученый Люччо Ломбардо Радиче опубликовал в «Уните» статью в защиту Шаши. Автор статьи спорит с Амаьди не о фактах, а о праве художника на домысел. Ломбардо Радиче считает, что Шаша всего лишь отталкивается от реального Майораны в поисках символа, что он создал параболу, «почти поэму». Это право художника.

Мне лично кажется, что дело не в фавуле и не в том, кто прав — автор книги или его оппоненты. Важно другое: Шаша на протяжении многих лет так или иначе поворачивает и вновь ставит проблему личной ответственности интеллектуала перед обществом. И не так уже существенно, кто это — выдуманные писателем Рогас, или художник в «*Todo modo*», или реально существовавший Этторе Майорана. Мы не можем судить о том, был или не был Майорана «универсальным гуманистом», как об этом сейчас спорят в Италии. Но мы вправе судить о писателе и общественном деятеле Леонардо Шаше. И думаю, надо согласиться с мнением авторитетных итальянских критиков, что именно Шаша представляет сейчас в итальянской литературе традиции просветителей.

В декабре 1976-го вышла в свет новая книга Шаши — «Владеющие кинжалом». Здесь все основано на подлинных событиях. В ночь на 1 октября 1862 года одновременно в различных кварталах Палермо были ранены кинжалами тринадцать человек, причем ни в одном случае не было мотивов для нападения (ограбление, месть или что-нибудь подобное). Одного из нападавших задержали. Это оказался некий Анджело Д'Анджело, при котором нашли окровавленный кинжал. Как водится, он сначала все отрицал, потом сообщил факты.

События, описанные в книге, произошли менее чем через два года после объединения Италии, когда Королевство Общих Сицилий было присоединено к Пьемонту и политические страсти кипели. Какие-то мощные силы были заинтересованы в том, чтобы поддерживать в Сицилии атмосферу смуты и страха. Шаша в книге пишет: «Стратегию напряженности изобрели именно в этот момент»¹. Следствие ведет пьемонтец Гuido Джакоза, честный и упорный человек, стремящийся добраться до сути происшедшего. Он арестовывает всех физи-

ческих исполнителей, но когда постепенно виток за витком распутывает нити заговора и находит его идеолога и организатора, сталкивается с непроницаемой стеной. Ему просто не дают возможности раскрыть правду, и Джакоза, разочарованный, разувверившийся, возвращается в Пьемонт.

События эти до сих пор оставались загадкой для историков. Теперь Шаша, воспользовавшись не только официальными данными, но и материалами семейного архива потомков Джакозы, пришел к твердому убеждению, что этот благородный и проницательный человек был совершенно прав: виновник преступлений 1 октября 1862 года — сенатор Объединенного королевства и друг короля, князь Сент-Элиа, тайный приверженец Бурбонов, противник объединения Италии. Новая книга Шаши (90 страниц) написана с таким же мастерством, как и предыдущие его книги. И с такой же горечью. На этот раз итальянские критики, все время ищущие жанровые определения для творчества Шаши, говорят, что он написал «исторический памфлет», и добавляют, что этот памфлет полон взрывчатой силы. И мне не встречалось недоброжелательных рецензий.

На вопрос одного из интервьюеров, почему он избрал такой отдаленный по времени сюжет, рассказывая, в сущности, о проблемах сегодняшней Италии, Шаша ответил: «Потому что о трудных вещах легче говорить, соблюдая историческую дистанцию».

Почти все книги Шаши исполнены горечи и скептицизма. Но это пессимизм мужественного человека, не желающего закрывать глаза на то, что происходит в его стране. Герой последней книги — Гuido Джакоза — терпит поражение, ему не удается добиться правосудия, виновник заговора остается на своем высоком посту. «Но ведь то же самое творится у нас и сейчас», — говорит Шаша, и это правда. В Италии очень тяжелый, затяжной кризис, не только социально-экономический, но и духовный. Шаша заявил недавно, что он считает себя политическим писателем, только надо условиться, что это значит. И назвал как образцы имена Вольтера и Стендаля.

Леонардо Шаше сейчас пятьдесят шесть лет. Сегодня в Италии нужно иметь много мужества, чтобы хранить верность нравственному и общественному долгу, своему личному кодексу чести, не думая о литературной моде, о коммерческом успехе. Мы не можем предугадать, как будет развиваться дальше творчество этого интереснейшего писателя. Но будем ждать новых книг Шаши и новых споров об этих книгах. Ждать с доверием к таланту и к гражданственности этого «пессимиста, который не сдастся».

¹ «Стратегия напряженности» — термин, которым в Италии называют действия наиболее реакционных сил, направленные на создание в стране атмосферы смуты и паники, которая сделала бы возможным — политически и психологически — осуществление фашистского переворота.